

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-79-83

Летёлкин Николай Владимирович
Nikolay V. Letelkin

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), head of the department of criminal procedure
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: letelkin.nn@mail.ru

Неганов Дмитрий Александрович
Dmitry A. Neganov

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального универси-
тета (423812, Республика Татарстан, Набережные Челны, просп. Мира, 68/19)

candidate of sciences (law), associate professor of the department of legal disciplines
Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan Federal University (68/19 Mira av., Naberezhnye
Chelny, Republic of Tatarstan, 423812)

E-mail: nagan78@mail.ru.

**Очередной пример ситуативности изменения отечественного уголовного
и уголовно-процессуального законодательства
или жизненно необходимая новелла?**

**Another example of the situational nature of changes in domestic criminal
and criminal procedural legislation or a vital short story?**

В статье рассматривается проблема ситуативности современного правотворчества в сфере уголовно-правового законодательства в контексте принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», принятого Государственной Думой Российской Федерации в связи с пандемией Corona Virus Disease 2019 (COVID-19).

Ключевые слова: нестабильность, ситуативность, отечественное уголовное законодательство, законодательная инициатива, законопроект, пандемия, вирус, COVID-19.

The article examines the situationality of modern lawmaking in the field of criminal law in the context of the adoption of the federal law of 1.04.2020 no. 100-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, adopted by the State The Duma of the Russian Federation in connection with the pandemics of the Corona Virus Disease 2019 (COVID-19).

Keywords: instability, situationality, domestic criminal law, legislative initiative, draft law, pandemic, virus, COVID-19.

Нестабильность отечественного Уголовного кодекса стала его характерной чертой. Представители уголовно-правовой доктрины в разное время высказывались о массовом,

хаотичном и ситуационном характере его реформирования. Так, УК РСФСР 1960 года изменялся и дополнялся более 740 раз. Причем характер таких изменений зачастую весьма

© Летёлкин Н.В., Неганов Д.А., 2020

негативно оценивался представителями отечественной науки [1].

С принятием Уголовного кодекса 1993 года указанная ситуация не изменилась. Характер его реформирования с самого начала имел массовый, неустойчивый, ситуационный характер [2].

Изучение последних изменений и законодательных инициатив в сфере реформирования отечественного уголовного законодательства позволяют сделать вывод о том, что подобная порочная практика продолжается и в настоящее время.

В большей степени современное право творчество в рассматриваемой сфере является ситуативным, навешанным окружающей действительностью, обстановкой, событиями. Информатизация общества создала базис для формирования еще одного фактора, влияющего на изменение уголовного законодательства, такого как широкий общественный резонанс. Так, в 2014 году названный аспект оказал существенное влияние на возникновение целого ряда законодательных инициатив, касающихся противодействия деструктивным сетевым сообществам (внимание этому вопросу уделялось нами ранее, в связи с чем считаем нецелесообразным останавливаться на указанной проблеме: см. [3]). Нельзя сказать, что эти изменения были обоснованы, так как существующие на тот момент уголовно-правовые ресурсы позволяли принимать адекватные меры по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности, в том числе и по статье 105 УК РФ (Убийство).

В 2017 году существенно изменились подходы технико-юридического конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за жестокое обращение с животными [4]. Указанные изменения представляются нам весьма сомнительными, опять же ввиду их ситуативного характера, о чем свидетельствуют положения пояснительной записки к соответствующему проекту федерального закона [5]. В тексте документа в обоснование социальной значимости и актуальности инициативы приводятся многочисленные обращения в средства массовой информации, петиции и обращения в адрес Президента РФ [5], вызванные делом хабаровских живоделок [7].

Кроме повышения характера и степени общественной опасности основного деяния, законодатель стремился предусмотреть ответственность за публичную демонстрацию материалов о жестокое обращение с животными, в том числе в средствах массовой информации и сетевом пространстве («В проектируемой статье де-

монстрация жестокого обращения с животными в сети интернет или иных средствах массовой информации рассматривается в качестве квалифицирующего признака соответствующего преступления. (Квалифицирующим признаком является не наличие цели продемонстрировать жестокость, не намерение демонстрации, а непосредственная демонстрация содеянной жестокости). Общественная опасность подобных преступлений повышается за счет трансляции фактов применения насилия к животным на индивидуально-неопределенную аудиторию, имеющую возможность в любой момент осуществить просмотр, в результате чего основному объекту посягательства — общественной нравственности в сфере взаимоотношений человека и животных наносится дополнительный существенный вред» [5]). Что же получилось в итоге: соответствующий признак отнесен к категории квалифицирующих, то есть отягчающих ответственность лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное основным составом преступления. Таким образом, то, к чему стремился законодатель фактически осталось нереализованным.

Еще одним примером ситуативного изменения отечественного уголовного законодательства является федеральный закон [7], изменивший диспозицию уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ).

Указанные изменения коснулись криминализации предусмотренных рассматриваемой статьей УК РФ деяний на стадии возбуждения уголовного дела. Ранее на этой стадии уголовного процесса России подобное поведение не относилось к разряду общественно опасного.

По нашему мнению, указанный законопроект стал продолжением истории «громкого» уголовного дела о погибшем в дорожно-транспортном происшествии мальчике, в крови которого первоначально было обнаружено значительное количество алкоголя. Эксперт, проводивший указанную экспертизу, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 293 УК РФ (Халатность). Фактически заведомая ложность заключения не была доказана [8]. Однако даже в таком случае об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ говорить было нельзя ввиду того, что исследование проводилось на стадии возбуждения уголовного дела.

Указанные примеры не являются единственными, а приведены лишь для иллюстрации

заявленного тезиса о ситуативном характере современного правотворчества в уголовно-правовой сфере. Следует отметить, что этот фактор не всегда оценивается авторами в негативном ключе, так как зачастую свидетельствует о своевременной реакции законодателя на конкретные обстоятельства окружающей действительности и лишь подчеркивает актуальность и своевременность принимаемых мер.

Очередным актуальным примером своевременного характера изменения отечественного уголовного законодательства является один из так называемых «антивирусных законопроектов» — проект федерального закона 929651-7 «О внесении изменений в статью 236 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу Российской Федерации 25 марта 2020 года. Соответствующий Федеральный закон был принят 31 марта 2020 года и вступил в силу с 1 апреля 2020 года [9].

Федеральный закон предусматривает изменение уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, а также корреспондирующие изменения в статью 151 УПК РФ в части, касающейся отнесения подследственности по указанным категориям уголовным дел к компетенции следователей органов внутренних дел и следователей Следственного комитета РФ.

Указанная инициатива прежде всего связана с распространением Corona Virus Disease 2019 (COVID-19) [10]. Изучение пояснительной записки позволяет сделать вывод о том, что законодатель воспринимает рассматриваемые изменения как общую превентивную меру, направленную на стимулирование людей к соблюдению правил борьбы с распространением конкретной инфекции (COVID-19), носящей характер пандемии.

Рассуждая о качественности внесенных в УК РФ изменений, следует учитывать, что уголовно-правовой запрет, предусмотренный статьей 236 УК РФ, относится к категории бланкетных. Для правильной оценки содеянного необходимо понимание, какие именно санитарно-эпидемиологические правила были нарушены. Кроме того, учитывая характеристику субъекта рассматриваемого состава преступления, отметим, что таковым может являться только физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, при условии, что оно было обязано и могло соблюдать конкретные предписания.

Санитарные правила, касающиеся профилактики острых респираторных вирусных инфекций (возбудителем которых являются в том числе и коронавирусы), несмотря на предусмотренную обязанность их соблюдения всеми юридическими и физическими лицами, требования об организации и соблюдении изоляции инфицированным человеком не содержат и распространяются на лиц, ответственных за организацию и проведение эпидемиологических мероприятий. Так, например, пунктом 6.4 раздела 6 рассматриваемых Правил предусмотрена изоляция больного гриппом и ОРВИ не менее чем на 7 дней с момента появления симптоматики заболевания и до ее исчезновения [11].

Вместе с тем, коронавирусная инфекция (COVID-19) в настоящее время нормативно отнесена к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих [12], тем самым в отношении лиц, страдающих указанными заболеваниями применимы положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Таким образом, фактически устанавливается возможность экстраординарного медицинского вмешательства без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя, решение о котором принимается консилиумом врачей, а в случае невозможности коллегиального решения — лечащим (дежурным) врачом медицинской организации [13]. Исходя из понятия «медицинское вмешательство» следует констатировать, что этим термином охватываются профилактические, исследовательские, диагностические, лечебные, реабилитационные медицинские обследования и (или) манипуляции, не ограничивающие свободу передвижения лица.

Конституционные права и свободы граждан, связанные с личной, физической свободой, не могут быть ограничены при медицинском вмешательстве, даже осуществляемом без согласия гражданина.

Аспекты принудительной госпитализации прямо связаны с мерами уголовно-правового характера. Госпитализация в недобровольном порядке в отечественном законодательстве распространяется на случаи, предусмотренные законодательством Российской Федерации в отношении лиц, страдающих психическим расстройством [14], либо в отношении лиц, больных заразными формами туберкулеза [15]. Причем такая госпитализация осуществляется на основании судебного решения. Правом подачи соответствующего ходатайства в суд обладает

представитель, руководитель медицинской организации или прокурор.

Кроме того, в соответствии со статьей 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лица, страдающие заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинское обследование и лечение [13]. Но эти случаи, опять же касаются психических расстройств и заболеваний, связанных с туберкулезом.

В этой связи весьма сомнительными с правовой точки зрения представляются решения судов о недобровольной госпитализации лиц, у которых подозревается Corona Virus Disease 2019 (COVID-19), при том что инициатором изоляции выступил региональный Роспотребнадзор.

Изучение санитарно-эпидемиологического законодательства Российской Федерации позволяет констатировать, что в настоящее время не созданы качественные правовые механизмы, обеспечивающие должное регулирование рассматриваемой сферы в части применения статьи 236 УК РФ.

Угрозы для лиц, нарушающих карантинные мероприятия, звучащие в средствах массовой информации, являются некой фикцией, неправовым средством общей превенции в вопросах соблюдения карантинных мероприятий. В то же время это напрямую затрагивает национальные интересы, что и обуславливает наличие решений судов о принудительной госпитализации лиц, у которых подозревается соответствующее заболевание. Таким образом, решения о применении уголовного законодательства, даже в случае отсутствия правовых оснований, вполне возможны.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, возможность применения статьи 236 УК РФ в отношении лиц, страдающих «новой инфекцией», все-таки существует.

Обязанность лица выполнять требования санитарного законодательства, а также не осуществлять действий, влекущих за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания, предусмотрена статьей 10 Федерального закона от 18 июня 2001 года № 77-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [16]. Однако такая обязанность может возникать только после постановки соответствующего диагноза и ознакомления с ним пациента. Только в этом случае, исходя из концепции субъективного вменения и при условии наступления

общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законом, можно говорить об уголовной ответственности для лиц, не выполняющих карантинные мероприятия.

Конечную точку в вопросе о состоятельности внесенных в уголовное законодательство изменений поставит время, в течение которого сложится или не сложится правоприменительная практика, так как основным индикатором ответственности уголовного закона является частота его применения.

Примечания

1. Полубинская С.В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки // Труды института государства и права Российской академии наук. 2011. № 4. С. 234—250.

2. Лунеев В.В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы. М., 2009. С. 55—56.

3. Летёлкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Н. Новгород, 2018. 218 с.

4. О внесении изменений в статьи 245 и 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017, № 52. Ч. I, ст. 7935.

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 308781-7 от 8 ноября 2017 г. «О внесении изменений в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/308781-7> (дата обращения: 01.04.2020).

6. Н. Козлова Жестокие игры незамечательных людей // Российская газета. 2017. 20 января.

7. О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 49. Ч. V, ст. 6969.

8. Приговор Щелковского городского суда Московской области от 20 мая 2019 г. по уголовному делу № 1-9/19 // Архив Щелковского городского суда Московской области.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 1 апреля 2020 № 100-ФЗ // Российская газета. 2020. 3 апреля.

10. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 959651-7 от 25 марта 2020 г. «О вне-

сении изменений в статью 236 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/929651-7> (дата обращения: 01.04.2020).

11. Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3117-13 «Профилактика гриппа и других острых респираторных вирусных инфекций»: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 ноября 2013 г. № 63 // Российская газета. 2014. 18 апреля.

12. О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 6, ст. 674.

13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

14. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1913.

15. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 26, ст. 2581.

16. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ 1999, № 14, ст. 1650.

References

1. Polubinskaya S.V. Changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation in assessments of criminal law science. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 4, pp. 234—250. (In Russ.)

2. Luneev V.V. The role of monitoring criminal realities in the mechanism for improving criminal law. *Monitoring of the criminal law policy of the Russian Federation. Common problems*. Moscow, 2009. Pp. 55—56. (In Russ.)

3. Letelkin N.V. Criminal legal opposition to crimes committed using information and telecommunication networks (including the Internet) Nizhny Novgorod, 2018. 218 p. (In Russ.)

4. On amendments to Articles 245 and 258.1 of the Criminal code of the Russian Federation and articles 150 and 151 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: Federal law of December 20, 2017 no. 412-FZ. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 52, part I, art. 7935. (In Russ.)

5. Explanatory note to the draft federal law no. 308781-7 of November 8, 2017 “On Amending article 245 of the Criminal code of the Russian Federation and articles 150 and 151 of the Criminal procedure code of the Russian Federation”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/308781-7> (accessed 01.04.2020). (In Russ.)

6. Kozlova N. Cruel games of undetected people. *Rossiyskaya gazeta*, 2017, January 20. (In Russ.)

7. On amendments to Article 307 of the Criminal code of the Russian Federation: federal law dated December 2, 2019 no. 410-FL. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, part V, no. 49, art. 6969. (In Russ.)

8. The verdict of the Shchelkovo city court of the Moscow region of May 20, 2019 in criminal case no. 1-9/19. *Archive of the Shchelkovo city court of the Moscow region*. (In Russ.)

9. On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and articles 31 and 151 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation: federal law of 01.04.2020 no. 100-FZ. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, April 4. (In Russ.)

10. Explanatory note to the draft federal law no. 959651-7 of March 25, 2020 “On Amending Article 236 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/929651-7> (accessed 01.04.2020). (In Russ.)

11. On approval of the sanitary and epidemiological rules of SP 3.1.2.3117-13 “Prevention of influenza and other acute respiratory viral infections”: Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation no. 63 dated November 18, 2013. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, April 18. (In Russ.)

12. On amending the list of diseases that pose a danger to others: decree of the Government of the Russian Federation of January 31, 2020 no. 66. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 6, art. 674. (In Russ.)

13. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: federal law of November 21, 2011 no. 323-FL. *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 48, art. 6724. (In Russ.)

14. On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision: law of the Russian Federation of 02.07.1992 no. 3185-1. *Vedomosti SND of the Russian Federation and Armed Forces of the Russian Federation*, 1992, no. 33, art. 1913. (In Russ.)

15. On preventing the spread of tuberculosis in the Russian Federation: federal law of 18.06.2001 no. 77-FL. *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 26, at. 2581. (In Russ.)

16. On the sanitary and epidemiological well-being of the population: federal law of March 30, 1999 no. 52-FZ. *Collection of legislative acts of the RF*, 1999, no. 14, art. 1650. (In Russ.)